

О святых ИКОНАХ

О. Л. Есаянц

О СВЯТЫХ ИКОНАХ

prussol

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56543815

О святых иконах. / Сост. Есаянц О. Л.: Благовест; Москва; 2016

ISBN 978-5-9968-0527-3

Аннотация

Настоящая брошюра рассказывает о том, что представляют собой иконы и для чего они нужны; объясняется разница между иконой и портретом; раскрывается значение разных символов на иконах; большое место уделено истории появления и развитию иконописного творчества в истории Церкви, а также полемике с иконоборцами и догматических основаниях иконопочитания в Православной Церкви

Издание рассчитано на широкий круг православных читателей.

Содержание

Что такое иконы и для чего они нужны

6

Конец ознакомительного фрагмента.

13

О СВЯТЫХ ИКОНАХ

Составитель: Ольга Есаянц

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви

(ИС Р15-515-0744)

© Издательство «Благовест» – текст, оформление, оригинал-макет, 2016

Что такое иконы и для чего они нужны

Икона (греч. *образ*) – живописное изображение Святой Троицы, Господа Иисуса Христа, Божией Матери, ангельских Сил, святых, а также священных событий, написанное в соответствии с церковными иконописными канонами и освященное по церковному чину.

Иконопочитание – это догмат, т. е. истина, открытая Богом.

Икона, как и слово, составляет часть христианства, является одним из средств познания Бога, одним из путей общения с Ним. И так же как образ Честного и Животворящего Креста, который есть отличительный знак, знамя христианства, икона есть исповедание истины, веры.

Икона – это богословие в красках. «Что (в Евангелии) изображено посредством бумаги и чернил, – пишет преподобный Феодор Студит, – то на иконе изображено посредством различных красок или какого-либо другого материала» (1, с. 132). Те средства, которыми пользуется иконопись для указания на Царствие Божие, могут быть только индизказательными, символическими, подобно языку притчей в Священном Писании.

Икона есть свидетельство о том, что Сын Божий стал Сы-

ном Человеческим, что Божественное Слово воплотилось, а Божественная Ипостась стала Богочеловеческой Личностью – конкретной и неповторимой. Бог навечно воспринял природу человека для того, чтобы открыть человеку путь бесконечного восхождения к Богу, сделать Свое творение участником свободы и совершенств абсолютного бытия.

Итак, если Божественная Ипостась Сына Божия стала Человеком, то с нами происходит обратное: человек может стать богом, но не по природе, а по благодати. Бог нисходит, становясь Человеком, человек восходит, становясь богом. Уподобляясь Христу, он становится «храмом живущего в нем Духа Святого» (см. 1 Кор. 6, 19), восстанавливает свое подобие Богу. Отсюда славянский термин «преподобный» (буквально «очень похожий»), применяемый к монашескому типу святости.

Образ Божий неизгладим в человеке; он лишь восстанавливается, очищается в святом крещении. Но уподобление Богу может увеличиваться или уменьшаться. Будучи свободным, человек может по своему произволению стать и *сыном погибели*. Тогда образ Божий в нем затмевается, и он может осуществить в своей природе отвратительное *неподобие* Бога.

Икона играет в Церкви ту же роль, что и Евангелие, имеет то же значение литургическое, догматическое, воспитательное. Преподобный Иоанн Дамаскин утверждал, что невидимое и труднопостигаемое передается в иконе посредством

зримого и доступного: «Для меня недостаточно книг, я не имею досуга для чтения, я вхожу в общую врачебницу душ – Церковь, задушаемый помыслами, как бы колючими растениями. Цвет живописи влечет меня к созерцанию и, как луг, услаждая зрение, незаметно вливает в душу славу Божию. Я созерцаю терпение мученика, воздаяние венцов и, как бы огнем, воспламеняюсь желанием к соревнованию ему, падая, поклоняюсь через мученика Богу и получаю спасение» (2, с. 29–30).

Образ имеет некоторые возможности, которых не имеет слово. Так, например, икона сжато и непосредственно показывает то, что словесно выражается в целом богослужении праздника.

Содержание Священного Писания икона передает не в виде теоретического научения, а литургически, то есть жизненно, обращаясь ко всем способностям человека.

Таким образом, через богослужение и икону Священное Писание живет в Церкви, в каждом отдельном ее члене. Поэтому единство литургического слова и образа имеет существенное значение: эти два способа выражения служат друг для друга как бы взаимной проверкой, живя одной жизнью, имея одно и то же церковное созидательное действие. Через иконы и богослужение Божественное Откровение сообщается верующему народу, освящает его жизнь, осмысляет ее и становится жизненной задачей каждого.

Цитируя святителя Василия Великого, Седьмой Вселен-

ский Собор свидетельствует: «Честь, воздаваемая иконе, относится к ее первообразу, и поклоняющийся иконе поклоняется ипостаси изображенного на ней» (3, с. 591). Таким образом, иконы служат посредниками между изображенными и молящимися в силу благодатного общения, ибо благодать, стяжанная при жизни святым, пребывает в его иконах. Между святыми и молящимися осуществляется личностная связь, молитвенный контакт. В храме во время богослужения все собрание молящихся посредством молитв и икон входит в молитвенное общение с Небесной Церковью и составляет с ней единое целое. В богослужении Церковь едина – она участвует в нем во всей своей полноте: Ангелы и люди, живые и умершие, наконец, весь тварный мир.

Человеческое возрождение состоит в том, чтобы «нынешнее уничиженное естество» изменить, приобщая его к Божественной жизни, ибо по классическому выражению святителя Григория Богослова, который повторяет святителя Василия Великого: «Человек тварь, но он имеет повеление стать богом» (4). Следуя Христу, становясь Его сотелесником, человек отныне может восстановить в себе подобие Божие и осиять им окружающий мир. По словам апостола Павла, *мы же вси откровенным лицем славу Господа взирающе, в той же образ преобразуемся, от славы в славу* (2 Кор. 3, 18).

Икона – откровение духовной любви, изливаемой в мир, где царят злоба и вражда. Это – источник животворящей воды в духовно-нравственной пустыне. Духовная любовь неиз-

меримо глубже, чем душевная. Она больше сопереживает нам, больше страдает за нас. Она как бы безгласно кричит от боли, но за нашу оторванность от Бога – источника жизни, а не за временные невзгоды. Она страшится нашей вечной гибели.

Душевная чувственность и сентиментальность католических икон воспринимается подсознанием человека, как возможность примирения с Богом без покаяния, без изменения себя. Поэтому в католической мистике так много говорится о восторженной любви и так мало о покаянии, очищении сердца и повседневной жестокой борьбе со страстями.

Взгляд древней иконы кажется отрешенным от мира. Святой на ней смотрит не на молящегося, а как бы поверх его или, вернее, сквозь него, как луч, проходя через стекло, устремляется вдаль; он видит человека на фоне вечности, в пересекающихся сферах земного и небесного миров; он видит в сердце человека то, чего не видит, а часто боится увидеть сам человек. Ликов древних икон страшатся демоны, перед ними волнуются и кричат бесноватые. В этих строгих ликах есть что-то, что влечет к себе и в то же время отталкивает. Их сложенные в благословение персты зовут нас и в то же время преграждают нам путь; чтобы последовать их призыву, нужно отказаться от греховной линии жизни, которая господствует в мире сем.

А рядом с этим в древнерусской иконописи мы встречаемся с неподражаемой передачей таких душевных настрое-

ний, как пламенная надежда или успокоение в Боге.

Как совместить этот аскетизм с этими необычайно живыми красками? В чем заключается тайна этого сочетания высшей скорби и высшей радости?

Без всякого сомнения, мы имеем здесь две тесно между собой связанные стороны одной и той же религиозной идеи: ведь нет Пасхи без Страстной седмицы, и к радости всеобщего воскресения нельзя пройти мимо Животворящего Креста Господня. Поэтому в нашей иконописи мотивы радостные и скорбные, *аскетические*, совершенно одинаково необходимы.

Именно в иконе преобразование человека и всей твари понимается и передается, как объективная реальность. Гармония и мир среди твари в Церкви, охватывающей весь мир, – вот основная мысль православной иконописи.

Так утверждается в храме то внутреннее соборное объединение, которое должно победить хаотическое разделение и вражду мира и человечества. Собор всей твари как грядущий мир вселенной, объемлющий и Ангелов, и людей, и всякое дыхание земное, – такова основная храмовая идея нашего древнего религиозного искусства, господствовавшая и в древнерусской архитектуре, и в иконописи. Она была вполне сознательно и замечательно глубоко выражена преподобным Сергием Радонежским. Он, основав свою монашескую общину, «поставил храм Святой Троицы как зеркало для соборных им в единожитие, дабы взиранием на образ Святой

Троицы побеждался страх перед ненавистною разделенностью мира» (5, с. 12). Святой Сергий вдохновлялся молитвой Христа и Его учеников: *да будут все едино, якоже и мы* (Ин. 17, 11). Его идеалом было преобразование вселенной по образу и подобию Святой Троицы, внутреннее объединение всех существ в Боге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.